

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1971

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ ГРУПП СИРИЙСКИХ КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ

(По материалам бронзового литья Эрмитажа)

В собрании Эрмитажа имеется ряд литых бронзовых кадил полушаровидной формы, с чрезвычайно грубо исполненными изображениями сцен из Нового завета.¹ Персонажи представленных композиций отличаются укороченными пропорциями, ограничены глубоко врезанными в поверхность металла линиями и как бы составлены из отдельных шарообразных поверхностей. Черты лиц едва намечены и потому с трудом различимы. Фриз с рядом сцен, как правило, ограничен двумя декоративными полосами (вверху и внизу), заполненными гравированным орнаментом.

Подобные кадила имеются в разных музеях мира. Их традиционная датировка — VI—VII вв.²

Специальные исследования этим памятникам посвятили О. Пелка,³ впервые уделивший внимание орнаменту на кадилах, и Г. де Жерфанион,⁴ составивший каталог известных ему предметов. Эти исследователи, учитывая иконографию, детали орнамента и отчасти места находок памятников, связывали такие кадила с Сирией и Палестиной.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что схожие на первый взгляд кадила далеко не однородны и, очевидно, разновременны. Взяв за основу иконографию сцен, их подбор и количество, а также характер орнамента, можно предварительно подразделить известные в настоящее время памятники на три группы. Так, можно выделить группу предметов⁵ (в Эрмитаже имеются два таких экземпляра — ω-123, ω-315 — см. рис. 1 и 2),⁶ на которых представлено всего пять сцен: благовеще-

¹ Инв. №№ ω-123, ω-315, СА-12758, СК-885, СК-7239, 1820/1.

² См.: E. Poeschel. Ein syro-palästinensisches Rauchfass im schweizerischen Landesmuseum. Jahrbuch schweizerischen Museen, Zürich, 1947, S. 67—74.

³ O. Pelka. Ein syro-palästinensisches Räuchergefäß. Mitteilungen aus dem Germanischen Nationalmuseum, Nürnberg, 1906, S. 85—92.

⁴ G. de Jerphanion. Un nouvel encensoir syrien et la série des objets similaires. Mélanges Syriens offerts à R. Dussaud, vol. I, Paris, 1939, p. 297—312.

⁵ O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Bd. III, Teil 1. Berlin, 1909, Taf. XLVII, N 970—971; O. M. Dalton. Catalogue of early antiquities and objects from the British Museum. London, 1901, p. 107—108; M. Gerspach. Un bénitier du VIIme siècle. Revue de l'art chrétien, vol. LI, an. 46, sér. 4, Paris, 1903, p. 313; G. de Jerphanion. Un nouvel encensoir syrien, N 18—19; Exposition d'art byzantin à Paris. Paris, 1931, N 750—751; E. Poeschel. Ein syro-palästinensisches Rauchfass, S. 67—74; Early christian and byzantine art. An Exhibition held at the Baltimore Museum of Art, Baltimore, 1947, N 279—180; одно — в Институте истории искусств ГрузССР.

⁶ Кадила ω-123 найдено в 1896 г. в Любече Черниговской губ. и куплено А. А. Бобринским для Эрмитажа (Архив ГЭ, оп. V₁, св. 74, д. 16, стр. 26); кадила

ние, рождество, крещение, распятие, жены-мироносицы у гроба; орнамент составлен из волнообразной линии, от которой по обе стороны ответвляются половины пальметок.

Кадила этой группы имеют конусообразную ножку простого профиля, на которой помещена выполненная в технике литья с последующей гравировкой восьмилепестковая розетка. Иконография сцен, представленных на рассматриваемых памятниках, отличается известным архаизмом. Так, в композиции благовещения ангел представлен стреми-

Рис. 1. Кадила. Найдено в Любече Черниговской области. Эрмитаж.

тельно бегущим с поднятыми крыльями, что соответствует раннему иконографическому типу. Также к ранней иконографии относится изображение Богородицы в сцене рождества: она сидит, повернувшись лицом к зрителю, поддерживая левой рукой голову.⁷

Подбор сцен, данный на рассматриваемых предметах, соответствует «паломническому циклу» (так как именно такие изображения имелись на амулах, которые паломники привозили из святых мест) и характерен для памятников VI—VII вв.⁸ В это время данные композиции вошли в число великих праздников,⁹ и именно их чаще всего воспроизводили на культовых предметах массового производства, каковыми и являются кадила.

Ф-315 приобретено Н. И. Репниковым в Феодосии (Акт передачи из ГАИМКа от 25 V 1925).

⁷ G. Millet, Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIVme, XVme et XVIme siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macedoine et du Mont-Athos. Paris, 1916, p. 87, 101—102.

⁸ A. Grabar, Les ampoules de terre sainte. Paris, 1958, Pl. V, XLVII—LII, LV.

⁹ G. Millet, Recherches sur l'iconographie, p. 18—21.

Это обстоятельство, а также архаизм иконографии, возможно, явились причиной того, что такие кадилы датировались большинством исследователей VI—VII вв.

Однако, обращаясь к рассмотрению декора полос, можно обнаружить, что орнамент такого типа не встречается на памятниках VI—VII вв. Зато этот орнамент можно видеть на коптских костяных пластинках арабского времени¹⁰ (некоторые из них имеют надписи арабским курсивом)

Рис. 2. Кадило. Происходит из Феодосии. Эрмитаж.

и на арабских надгробных плитах, которые имеют точные даты (832 г., 833 г., 840 г. и т. д.).¹¹

В византийских рукописях этот орнамент появляется не ранее IX в.¹²

На эрмитажном кадиле (ω-123), принадлежащем к данной группе, имеется арабская надпись: «Благословение от Аллаха». Палеография этой надписи, а также характер самой формулы хронологически соответствуют IX—X вв.¹³

Распространение описанного выше орнамента падает на VIII, особенно на IX в., и именно это время можно считать нижней границей данной группы памятников. Учитывая то обстоятельство, что арабская надпись

¹⁰ O. Wulff. *Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke*, S. 154, Taf. XXVIII.

¹¹ J. Strzygowski. *Mschatta. Kunstwissenschaftliche Untersuchung. Jahrbuch der königlich-preussischen Kunstsammlungen*, Bd. XXV, Berlin, 1904, S. 283, Abb. 59—62.

¹² A. Frantz. *Byzantine illuminated Ornament. The Art Bulletin*, vol. XVI, New York, 1934, Pl. XIII, N 2—5.

¹³ Приношу благодарность Л. Т. Гюзалью за прочтение и палеографическое определение надписи.

не могла быть выполнена позже X в., можно считать эту дату верхней хронологической границей.

Таким образом, если учитывать характер орнаментации и арабскую надпись, то эту группу вероятнее всего следует датировать IX в.

Для другой группы кадил¹⁴ (в Эрмитаже — один экземпляр СА-12758¹⁵) характерно наличие шести сцен: благовещение, встреча Марии и Елизаветы, рождество, крещение, распятие, жены-мироносицы у гроба. Характер передачи фигур и заполнения поверхности, а также иконография почти тождественны той, которая определяет памятники первой группы.

Как и в первом случае, существенное значение для датировки имеют декоративные полосы с орнаментом, обрамляющие фриз с фигурными сценами. На кадиле СА-12758 в верхней части расположены две такие полосы: одна из них, самая верхняя, включает бордюры из трилистников, другая, несколько ниже, заполнена тесно примыкающими друг к другу концентрическими дужками. Внизу, при переходе от ножки к тулову, имеется полоса, состоящая из вписанных друг в друга треугольников: поле каждого треугольника верхнего ряда заполнено пунктиром, а нижнего — одним большим кружком, помещенным в центре. Кадило имеет конусообразную ножку, украшенную гравированным орнаментом, состоящим из сильно стилизованных растительных побегов; на дне — рельефный равноконечный крест с большими бусинами на концах. Два других памятника, почти тождественные эрмитажному, имеют следующие незначительные отличия: на кадиле из Берлин-Далема нижний бордюр составлен из сильно деформированных треугольников, которые не создают столь ярко выраженного рисунка, как это можно видеть на нашем предмете; на кадиле из музея г. Бруклина верхний бордюр из трифолиев заменен рядом треугольников, а ряд из концентрических дужек повторен дважды, вверх и вниз.

При определении территории, откуда происходит эта группа предметов, важны следующие соображения. Иконография сцен почти тождественна той, которую можно видеть на таких широко известных памятниках, как ампулы Монцы. Сиро-палестинское происхождение последних в настоящее время считается общепризнанным. Существенным подтверждением сирийского происхождения данной группы предметов является факт находки одного из памятников в с. Ургут. Важно отметить, что этот центр и прилегающие к нему территории издревле были известны как места христианских поселений.¹⁶ По свидетельству Ибн-Хаукаля, несториане (известно, что основным толком христианства, распространившегося в Средней Азии, было несторианство¹⁷) имели здесь церковь и монастырь. Северо-западнее Ургута были найдены христианские граффити с изображениями креста и сирийскими надписями.¹⁸ Упомянутый несторианский монастырь существовал еще и в X в.¹⁹ В XI в. в Самар-

¹⁴ O. Wulff, *Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke*, Taf. XLVII, N 969; *Early christian and byzantine art*, Pl. XLI, N 281.

¹⁵ Кадило было приобретено 20 VIII 1916 у самаркандского торговца Давуда Мирзэб Мехди Юсупова. По его словам, оно было найдено летом 1916 г. в с. Ургут (Книга для записывания предметов, поступивших в отделение эпохи Возрождения и Средних веков императорского Эрмитажа, № 7824, стр. 104—105).

¹⁶ В. В. Бартольд. Еще о христианстве в Средней Азии. Собр. соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 315.

¹⁷ F. Nau. *L'expansion néstorienne en Asie*. *Annales du Musée Guimet*, vol. XL, Paris, 1913, p. 245—249.

¹⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Гл. I. Географический очерк Мавераннахра. Собр. соч., т. I, М., 1963, стр. 145.

¹⁹ В. В. Бартольд. История Туркестана. Гл. II. Арабское завоевание и Туркестан при Саманидах. Собр. соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 122.

канде, вблизи которого находился Ургут, продолжала существовать несторианская метрополия.²⁰

Приведенные данные и особенно тот факт, что вблизи Ургута были найдены сирийские граффити, могут явиться подтверждением сирийского происхождения нашего кадила, следовательно, и всей группы близких ему памятников.

Традиционная датировка (VI—VII вв.), как и в случае с уже рассмотренной группой, не представляется бесспорной. Для выяснения даты следует обратить внимание на некоторые элементы декора полос. Поскольку восточное, точнее, сирийское, происхождение данного предмета очевидно, в качестве аналогий могут быть привлечены изделия из металла: византийские, сасанидские и постсасанидские.

Как было отмечено, иконография изображений на нашем кадиле вполне могла бы указывать на VI—VII вв. Однако есть некоторые элементы декора, которые не соответствуют этой дате. Прежде всего следует подчеркнуть, что орнамент помещен на пунктированном фоне (фон, покрытый кружками). Такое применение пунктира не встречается на византийских и сирийских памятниках VI—VII вв., оно становится характерным лишь с конца VII в. для постсасанидских изделий и для украшений пришедших с востока кочевников, датированных археологически VIII—X вв.²¹ Проникновение этого приема в Сирию не могло произойти ранее VIII в. Таким образом, применение пунктира для разделки фона указывает на VIII в. как на нижнюю дату данной группы предметов.

Раскрытию даты помогает рассмотрение орнамента, заполняющего декоративные полосы. Орнамент второй полосы состоит из концентрических дужек. Подобная стилизация античного киматгона получила распространение в искусстве стран Ближнего Востока. Речь идет о мотиве, появившемся еще в VI—VII вв., но применявшемся в восточной и византийской торевтике и в более позднее время.²² Орнамент в виде двух рядов вписанных друг в друга треугольников, из которых один ряд заполнен пунктиром, встречается на восточных памятниках не ранее VIII в.,²³ а на украшениях кочевников — не ранее IX в.²⁴

Таким образом, декор орнаментальных полос и пунктированный фон указывают на VIII—IX вв. как на предполагаемую нижнюю дату. Для выяснения верхней границы необходимо остановиться на ряде других предметов, условно отнесенных нами к третьей группе. В последнюю входят предметы, имеющие изображения не 5—6 сцен, а несколько более — до 9 сцен.²⁵ Появляются еще композиции: поклонение волхвов, благовеще-

²⁰ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Зап. Вост. отд. Русского археол. общества, т. VIII, вып. 1—2, СПб., 1894, стр. 23.

²¹ Л. Г. Нидерле. Из могильника в Старом Месте на Мораве. *Seminarium Kondakovianum*, III, Прага, 1929, стр. 41—44, табл. IX, № 2; K. V e n d a. *Stříbrný terč se Sokolníkem ze Starého Města u Uherského Hradiště. Památky Archeologické, Ročník LIV, Praha, 1963, 41—66; J. Poulík. Kostbare Grabfunde aus der Zeit des Grossmährischen Reiches. Alte und moderne Kunst, H. 85, Wien, 1966, S. 20—26, Abb. 1d, 8, 17—18, 19b.*

²² И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 48, 52—53, 55; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. CV, № 89; А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. Визант. временник, XIV, 1958, рис. 6; Г. Н. Чубинишвили. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959, табл. 14, 15, 18—20, 24 и др.

²³ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. LXV, № 113.

²⁴ K. V e n d a. *Stříbrný, fig. 12.*

²⁵ *Catalogo del Museo Nazionale di Firenze. Roma, 1898, p. 35, N 241; O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Taf. XLVII, N 967—968; G. de Jerphanion. Un nouvel encensoir syrien, N 22; G. Maspero. Un encensoir copte. Annales du Service des Antiquités, 1908, p. 148—149, pl. I—IV; Н. П. Кондаков. Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1881, стр. 233, № 9; Материалы по археологии Кавказа, вып. X, 1904, стр. 145—146.*

ние пастухам, вход в Иерусалим, неверие Фомы. Уже по самому подбору сцен эта группа, вероятно, будет не ранее X в., если учитывать два обстоятельства, а именно, что на таком массовом материале, как кадила, изображались наиболее чтимые сцены, а также то, что праздничные сцены «Вход в Иерусалим» и «Неверие Фомы», хотя и известны еще на раннехристианских памятниках, но не ранее X в.,²⁶ были отнесены к числу великих. Следует заметить, что эти предметы имеют и известные стилистические отличия: фигуры переданы очень мелкими дробными плоскостями, каждая из которых нередко орнаментально разработана; усложняется профиль ножки, вокруг которой часто располагаются медальоны с изображениями двенадцати апостолов.²⁷ Орнаментальные полосы на предметах этой группы занимают незначительную часть поверхности; бывает, как правило, одна такая полоса, которую заполняют разного вида пальметки или кружки с крестиками. Вполне возможно предположить, что этот тип кадила приходит на смену двум другим, описанным выше. Видимо, с X в. появляется новый тип памятников: с большим подбором сцен, с более упрощенной орнаментацией и более мелочной разделкой поверхности. Предположительно можно считать X в. верхней границей второй группы. Приняв во внимание сказанное, можно считать VIII—IX вв. наиболее вероятным временем возникновения последней. Эта приблизительная дата косвенно подтверждается некоторыми соображениями, касающимися входящего в эту группу ургутского кадила. В VIII—IX вв., особенно в период понтификата патриарха Тимофея I (760—823 гг.), усиливается миссионерская деятельность несторианского духовенства.²⁸ Следовательно, именно в это время в несторианских монастырях Средней Азии, в том числе и в монастыре близ Ургута, мог наблюдаться приток различных литургических предметов, доставлявшихся из Сирии. Возможно, не случайно на дне кадила из Ургута изображен рельефный равноконечный крест, имеющий форму, весьма распространенную в несторианских кругах: стоит вспомнить крест на стеле из Си-нган-фу²⁹ или на несторианских надгробиях из Средней Азии.³⁰ Сочетание креста такой формы с вполне обычной православной иконографией не должно смущать, так как известно, что несториане не создали своей иконографии и в халдейской церкви в средние века продолжала жить древняя иконографическая традиция.³¹

Уже было отмечено, что в третью группу вошли в основном кадила, имеющие более шести сцен и отличающиеся по стилю от памятников, рассмотренных выше.

Предметы третьей группы неоднородны. Учитывая стилистическую общность и места находок, можно наметить отдельные локальные подгруппы: коптскую, армянскую, возможно крымскую. Подобные предметы

рис. 72—73; Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении. Ереван. Т. I, 1958, табл. XVI, XVIII; т. II, 1964, табл. XXVI, XXXI; два — в Историческом музее Грузии; М. С. Ross. Byzantine bronze. Arts in Virginia, vol. 10, N 2, Richmond, 1970, p. 40.

²⁶ G. Millet. Recherches sur l'iconographie, p. 19—21.

²⁷ См.: G. Maspero. Un encensoir copte, Pl. I—IV; O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Taf. XLVII, N 967; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. IV. СПб., 1891, рис. 27—27а.

²⁸ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, стр. 10; С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. Проблемы востоковедения, № 5, 1959, стр. 168.

²⁹ J. Strzykowski. L'art chrétien de Syrie. Paris, 1936, pl. III.

³⁰ П. К. Кокорцев. Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии. Изв. Академии наук, сер. VI, № 12, 1907, стр. 427—458, табл. I—II.

³¹ J. Dauvillier. Quelques temoignages littéraires et archéologiques sur la présence et sur le culte des images dans l'ancienne Eglise chaldéenne. L'Orient syrien, vol. I. N 3, Paris, 1956, p. 303.

продолжали изготовляться и на территории самой Сибири. К последним может быть отнесено кадило, найденное в Камехлие, в районе Мосула.³² На этом предмете представлено одиннадцать сцен: благовещение, встреча Марии и Елизаветы, рождество, благовещение пастухам, поклонение волхвов, крещение, въезд в Иерусалим, распятие, жены-мироносицы у гроба, неверие Фомы, вознесение. Для всех изображений характерно сильное измельчание формы, фигуры дробятся глубокими бороздами на множество мелких делений. Данный памятник попадает в ту группу, которая отнесена ко времени позже X в. Верхняя граница пока остается спорной, поскольку старые модели воспроизводились и такой тип кадил мог долго существовать.

Среди рассматриваемых памятников самым поздним является коптское кадило XIV в., происходящее из Дейр-Амба Шенудах около Сохада.³³ На кадиле имеются следующие изображения: благовещение, рождество, бегство в Египет, распятие, основание церкви гроба господня Константином и Еленой. При переходе от ножки к тулову — двенадцать медальонов с изображениями апостолов. На бортике помещены равноконечные кресты с расширяющимися концами и коптская надпись, из которой следует, что данный предмет является ex-voto некоего человека, который передал данный предмет в монастырь. Посвятитель был сыном дьякона Иоанна. По мнению Г. Масперо, надпись выполнена на мемфисском диалекте и эпиграфические особенности указывают на XIV в. Этот пример показывает, как долго бытует в несколько измененном виде данный тип кадил.

Значительное число памятников было найдено на территории Армении.³⁴ Ряд предметов происходит из раскопок храма св. Георгия в Ани. Эти кадила не представляют единой группы. Одно из них (№ 1265) стилистически и иконографически входит в первую группу памятников, которую мы отнесли к IX в. Другие предметы стилистически весьма своеобразны и образуют обособленную подгруппу. К этой подгруппе близко кадило из Эрмитажа, найденное в Закатальском округе. На данных памятниках представлено шесть сцен. Орнаментальные полосы отсутствуют, только на одном кадиле можно видеть слабый намек на стилизованный растительный орнамент. Огрубление формы достигает пределов. Характерен орнаментальный подход к изображаемому: мастера стремились покрыть орнаментом все выступающие части поверхности. Так, например, в сцене распятия³⁵ фигуры разбойников превращены в маленькие (почти треть фигуры Христа) столбики, покрытые орнаментом в виде елочки и увенчанные квадратной головкой со слегка намеченными чертами. Часто используется орнамент в виде волнистой линии, которая декорирует крылья голубя в сцене крещения и одежды Богоматери и Иоанна в сцене распятия.

Не останавливаясь специально на данных памятниках, следует отметить их большое своеобразие, что выделяет их в особую группу, относительно которой можно согласиться с Б. Н. Аракеляном, считающим их местными армянскими изделиями XI—XIII вв.

³² G. de Jerphanion. Un nouvel encensoir syrien, p. 297.

³³ G. Maspero. Un encensoir copte, p. 148—149; кадило, аналогичное изданному Г. Масперо, было на выставке коптского искусства в Париже (L'art copte. Petit Palais, Paris, 1964, N 128).

³⁴ Кадила, происходящие из раскопок круглого храма св. Григория в Ани, хранятся в Историческом музее Армении, см.: Н. Я. Марр. Краткий каталог Анийского музея. СПб., 1906, стр. 25; Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении, т. I, табл. XVI, XVIII; т. II, табл. XXVI, XXXI; кадило, найденное в Закатальском округе близ с. Казмалар в 1886 г., поступило в Эрмитаж из Археологической комиссии (отношение № 774 от 1887 г.; дело А. К. 1887-14, ст. № 7101).

³⁵ Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении, т. II, табл. XXXI.

Ряд кадил третьей группы происходит из Крыма.³⁶ Возможно, это также некие локальные варианты, продолжающие древние традиции.

Все рассмотренные памятники далеко не однородны как в отношении времени их изготовления, так и места их производства.

Сирийское происхождение наиболее древних экземпляров очевидно. Они (первая и вторая группы) датируются нами предположительно IX в., но их иконографическая связь с сиро-палестинскими памятниками VI—VII вв. несомненна. Видимо, данный тип предметов сложился именно в это время, но наиболее древние экземпляры до нас не дошли. Возможно, к последним, если учесть иконографию и орнамент, имеющий прямые параллели в сирийских каменных рельефах V—VI вв. и в миниатюрах кодекса Равулы, могли бы относиться кадило, хранившееся в Нюрнберге,³⁷ и кадило, происходящее из монастыря Мидиат близ Амиды.³⁸

Большинство же рассмотренных памятников являются не столько древними, сколько воспроизводящими древние образцы. Часть из них действительно происходит из Сирии, а другая — представляет локальные варианты сирийских образцов.

V. N. Zaleskaya

SUR LA DÉFINITION DE LA DATE DE QUELQUES GROUPES D'OBJETS SYRIAQUES ECCLESIASTIQUES

(les bronzes de l'Ermitage)

Dans la collection de l'Ermitage se trouvent six encensoirs demisphériques ornées de représentations des scènes du Nouveau Testament (ω-123, ω-315, CA-12758, CK-885, CK-7239, 1820/1).

Nous divisons ces objets en trois groupes qui se distinguent par le caractère de l'ornementation, des traits stylistiques et du groupement des scènes.

I gr. L'ornement en forme d'une ligne ondulatoire de laquelle s'écartent des demi-palmettes (ω-123, ω-315).

II gr. L'ornement composé de triphylles, du kymation et de triangles. Le nombre des scènes sacrées dans les deux groupes est identique (C'est l'Annonciation, la Rencontre, la Nativité, le Baptême, le Crucifix, les saintes femmes au tombeau) et correspond avec le cycle soi-disant des pèlerins.

III gr. L'ornement occupe très peu de place. Le nombre des scènes représentées augmente jusqu'à neuf. Dans ce groupe on peut indiquer des variantes locales: transcaucasienne (CK-885, CK-7239), égyptienne, provenant de Crimée (1820/1).

L'analyse de l'ornementation des deux premiers groupes d'encensoires date ces objets du VIII—IX ss. Les traits iconographiques et stylistiques des objets du troisième groupe montrent que la date ante quem est le X-ème siècle.

Tous cela réduit à la conclusion que les monuments examinés ne sont pas du VI—VII ss. (date traditionnelle), mais qu'ils reproduisent des modèles anciens.

³⁶ Н. П. Кондаков. Указатель, стр. 233, № 9; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. IV, стр. 34—35, рис. 27—27а, 28—28а.

³⁷ O. Pelka. Ein syro-palästinensisches Räuchergefäß, S. 85—92, Taf. IV—V.

³⁸ S. Pétridès. Un encensoir syro-byzantin. Echos d'Orient, t. VII, Paris, 1904, p. 148—151.